

18+

Галина Галеррос

РАССКАЗЫ

Из событий Великой
Отечественной войны

Галина Галеррос

**Рассказы. Из событий
Великой Отечественной войны**

«Издательские решения»

Галеррос Г.

Рассказы. Из событий Великой Отечественной войны /
Г. Галеррос — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969749-3

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Рассказы знакомят читателей с раздумьями о выборе пути в своей судьбе, несмотря на последствия трагедии Великой Отечественной войны. Главное — быть верным своим мечтам, себе, благодаря стремлениям как души и сердца, так и воли. Это и дерзкая Алёнка, и талантливый Ваня (рассказ «Моя бабушка»), и ищущий себя Женька (рассказ «Пламя Вечного Огня»), и другие. Рассказы рассчитаны на широкий круг читателей и рекомендованы для внеклассного (домашнего) чтения.

ISBN 978-5-44-969749-3

© Галеррос Г.
© Издательские решения

Содержание

Из событий Великой Отечественной войны	7
Моя бабушка	9
Мишаня	11
Алёнка	13
Из дневника юной варшавянки	15
Память войны	17
Материнская любовь	19
Доживи до рассвета...	21
Пламя Вечного Огня	23
Яблоки	25
Остров Селигериус	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Рассказы

Из событий Великой Отечественной войны

Галина Галеррос

© Галина Галеррос, 2019

ISBN 978-5-4496-9749-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Всем Вам, любимым и дорогим Защитникам нашей Родины, выстоявшим и победившим в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.)!

Вы, – навсегда в памяти ваших родных и близких, в рядах Бессмертного Полка. Пламя Вечного Огня, это символ благодарности народов всего прогрессивного мирового сообщества за счастье мирного неба над головой. Это символ защиты от страшного беспредела и бесчеловечности нацизма.

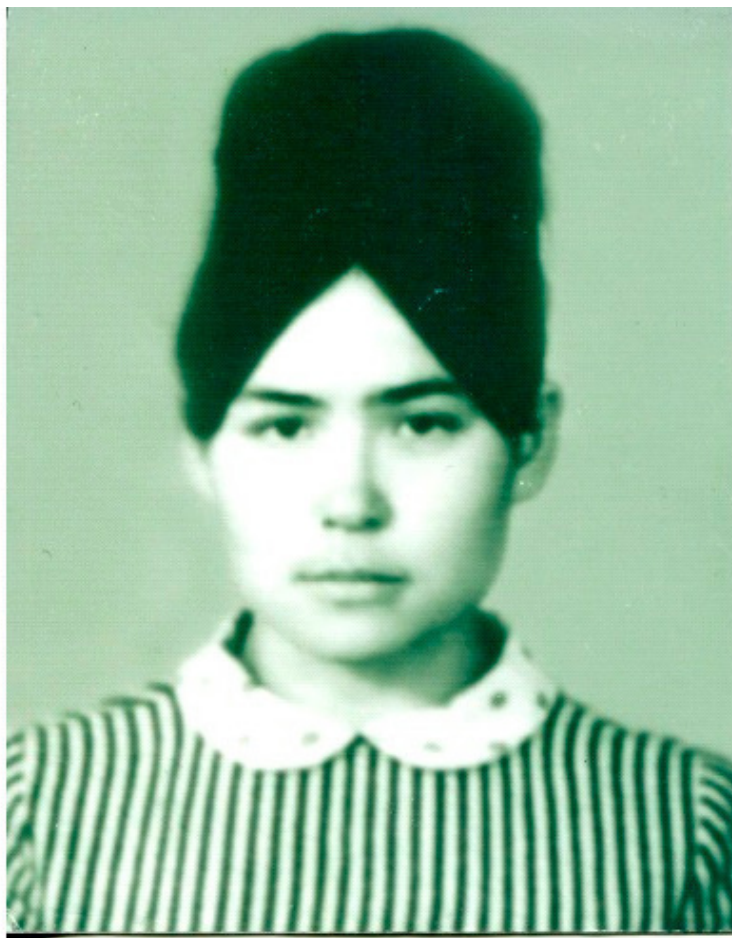
Аида Артс Лауреат российских и международных конкурсов, член Творческого союза художников России:

«...мы с мамой, детской писательницей, просто очарованы.

Спасибо за глоток настоящей литературы».

В. Мелькумов: «Задушевность рассказов волнует и заставляет, остро переживая трагедию Великой Отечественной войны в судьбах наших современников, всеми силами стремиться к Миру во всём Мире».

В. Рыжков: «Рассказы замечательные, искренние, а главное, написанные с большой любовью к людям. Они передают атмосферу того времени, которую большинство нынешних людей уже не знают».

Галина Галеррос

Чувство слова, понимание его эмоциональной силы – конечно, это было воспитано школьной художественной самодеятельностью, наследием Пушкина, Лермонтова, Чехова, Гоголя и других. Затем обучалась на двухгодичных курсах при факультете журналистики Университета и продолжала понемногу писать для себя «в стол». Став врачом, и закончив аспирантуру, я не забросила писать короткие рассказы, прототипом героев которых были люди с интересной удивительной судьбой. Закончила двухгодичные режиссерские курсы при Московском Арт. – кино.

У Юрия Нечипоренко в электронном журнале «Пампасы» вскоре был напечатан один из моих ранних рассказов «Моя бабушка». Мне повезло, быть консультантом при «Московском Обществе ветеранов и инвалидов цирка», постигая красоту души мастеров Отечественного циркового искусства. Вскоре стала редактором изданных книг: Э. Эльворти – Подчерниковой «Моим дорогим... или записки медвежатника»; В. Шилинского – Лерри «Легенда Отечественного цирка – Валентина Лерри»; В. Тихонова «Тихоновы. Династия дрессировщиков»; А. Ляшенко «В долг... или о жизни, театре, друзьях (в стихах, прозе)». Принимала участие в фотовыставке «Выстояли и победили», посвященной Дню Победы ([http://www. Выстояли.рф](http://www.Выстояли.рф)).

В настоящее время работаю над материалом, посвященного проблемам здоровья клуба комплексного само – программирования (КСП) «Космос», созданный Я. И. Колтуновым в 1981 году в Москве и в филиалах клуба КСП в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Член Клуба мастеров современной прозы «Литера К».

Из событий Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.).

Для внеклассного (домашнего) чтения

Моя бабушка

Мишаня

Алёнка

Из дневника юной варшавянки

Моя бабушка

Анна Александровна как-то рассказала мне, смеясь, об одном из эпизодов во время войны и о своей любимой бабушке.

Бабушка стояла на своём посту во время бомбежки с винтовкой за плечами и со свистком в руке. Она направляла поток запоздавших в укрытие и подбадривала их тонкой трелью свистка.

Рядом с ней и бомбежка была не страшна. Бабушка вселяла в окружающих веру в близкую Победу, надежду на добрые вести от родных из жестокого и страшного горнила передовой, а иначе и быть не могло.

Соседи любили Зинаиду Ильиничну за доброту и умение советом или нужным словом подбодрить человека. А мы с мамой просто души не чаяли в ней. В девичестве она была Юсуповой (своими дворянскими корнями, втайне, очень гордилась), а восточный генный отблеск придавал ее облику особый колорит.

Весь дом помнил историю с Иваном, 15- летним подростком, въехавшим в дом год назад с тяжело больной матерью и полуслепой бабушкой. За свою короткую жизнь он успел побывать в колонии за воровство. В подъезде звучал его отборный мат, он курил, бывал даже в нетрезвом состоянии. И бабушка, с согласия матери устроила его на подработку в театр юного зрителя. Полгода она водила Ивана, буквально за руку, на спектакли. Страстно обсуждала с ним полученные впечатления. При этом просила Ванечку, описывать свои ощущения и эмоции, потом приучила, буквально шаг за шагом, работать над собой с помощью дневника. И результат превзошел все ожидания. Об этих уроках откровения, нравственных точках опоры и о многом другом, сыгравших решающую роль в становлении себя как личности, Иван рассказывал маме уже после смерти Зинаиды Ильиничны. Ванечка, как называла его бабушка, обладатель замечательной памяти и абсолютного слуха, был одарен и артистическим талантом. Он в течение года выучил все роли и с легкостью подменял отсутствующих или ушедших на фронт актеров. Так Ванечка нашёл себя. После вечерней школы закончил режиссерское и сценарное отделение ВГИКА, став заслуженным артистом и кинорежиссёром.

Для бабушки, каждый шаг которой был полон юмора и психологического проникновения в суть человека, я всегда была загадкой. Она называла меня фантастической девочкой за неумелость характера и умения из всего создавать проблемы. И всё-таки мне повезло учиться у неё до 4-го класса. Умея создать атмосферу игры, она не давала ребятам уйти от главной цели занятий в школе – учиться радоваться новым знаниям. Уроки радости, – это был стиль её преподавания. Каждый урок – это всегда был фейерверк фантазии и удивительных находок, и дети были просто влюблены в свою ненаглядную Зинаиду Ильиничну.

Шёл август 1941, но мы еще никак не могли привыкнуть к руинам и останкам от пылающих домов. Немцы жестоко бомбардировали город, буквально ровняя его с землёй. Августовская ночь была темной и теплой. Начавшийся артобстрел заставил нас очнуться от сна. Но бабушкин яростный крик: «Где мой свисток, ищите!» – разбудил нас с мамой окончательно. Свесив головы с кровати, мы тщетно пытались помочь бабушке, всматриваясь в темноту, но нас хватало только на видимость поиска. Наверняка этот злосчастный свисток где-то болтался за поясом или на шее у бабушки, которая накинулась на меня со словами: «Это дело твоих рук, Анка?!»

Я всегда была причиной беспорядка в доме. Бабушка прятала от меня даже свою незаряженную винтовку, так оберегая меня от непредсказуемых поступков. Наконец свисток действительно был обнаружен где-то в заднем кармане юбки. Бабушка, не смотря на почтенный возраст и солидный вес, как вихрь помчалась на свой пост.

А мы ринулись в наше укрытие недалеко от дома. Эта, чуть прикрытая досками, глубокая яма и была нашим бомбоубежищем, её вырыли оставшиеся в доме жильцы. Конечно, укрытие не спасло бы нас от бомбы, но психологически мы чувствовали себя защищёнными, несмотря на оглушительный рёв разрывающихся бомб и плач детей.

И вдруг мама начала смеяться. «Леночка, что с тобой?» – боязливо спросила соседка маму, которая начала заливаться смехом, буквально давась от него. Испуг и напряжение, после рассказа о том, как бабушка собиралась на свой пост, сразу ушли. Маленькая и кругленькая, добрейшей души бабушка, с винтовкой за спиной расшвыривала вещи по дому, пытаясь найти злополучный свисток, чтобы только не опоздать на свой пост. Покрикивая на нас, свою внучку и дочь, буквально готовая всю душу вытрясти из обеих и, при этом обвиняя нас во всех немислимых грехах, бабушка выясняла причину потери свистка. Это был сметающий всё на своем пути ураган эмоций и воли. С таким натиском и напором в характере бабушки мы столкнулись впервые.

Мама так ярко и темпераментно рисовала сцену за сценой этого трагико-комичного поиска, что улыбки на лице присутствующих сменились громким смехом. Из нашего укрытия неся буквально гомерический хохот. Смеялись все. Даже хныкающие и плачущие дети заулыбались, детский смех смешался со смехом взрослых. Люди, до слёз, смеялись громким доверенным смехом.

После бомбежки, когда мы выбрались из своего убогого укрытия, вокруг нас пылали соседние дома и мы растерянные, но полные надежд бросились к своему, каким-то чудом уцелевшему дому. А бабушка бежала к нам, размазывая по щекам слезы радости, что увидела нас живыми и невредимыми. Недалеко от её поста осколком бомбы сразило нашего давнего друга, её коллегу, 70-летнего соседа Иван Петровича. Он накануне получил похоронку на единственного сына и буквально только что жаловался бабушке, что очень мёрзнет, едва двигается и совсем без сил. Бабушка обняла нас, крепко прижала к себе и, наклонившись ко мне, воскликнула: «Кости целы, мясо наживем! Живы будем, не помрём! Вот так, мой дорогой пострел!».

Анна Александровна улыбнулась, и, помолчав, призналась: «Прошло с тех пор столько лет, и мне уже далеко за 80 лет. Но в минуты уныния и бессилия от навалившихся проблем я вдруг вспоминаю бабушку с её незаряженной винтовкой, яростным поиском свистка и несокрушимой верой в Победу. И тогда всплывает в памяти мамин рассказ о бабуле, наше хлипкое бомбоубежище и тот общий гомерический смех. Смех, который звучал как вестник надежды и веры в себя, нашу Победу. Смех, рвущийся из нас, взрослых и детей, вопреки ужасу перед страшной бомбежкой и смертью близких людей.

И я смеюсь... долго, и до слёз» так закончила свой рассказ Анна Александровна, с улыбкой обняв меня за плечи. Я только кивнула в ответ, осознав наконец свою догадку: «Так вот в чём секрет наших побед над врагом – всем миром встать и не сдаваться». И услышала в ответ её проникновенное «Как ты права, моя дорогая девочка, как ты права. Хотя цена нашей победы несказанно высока, но за победой над фашизмом стоит вся наша огромная любимая страна и святая память о её защитниках»..

Мишаня

Моим дорогим сыновьям

Радость Дня Победы, 9-го Мая 1945 г., для многих была со слезами. Необходимо было создавать заново в своей судьбе пространство любви и надежды. И прежде всего во имя святой памяти всех дорогих и любимых, сломленных или уничтоженных войной.

Сергей Ильич, переживший столько потерь, одну из них, гибель своего сынишки Мишани, не мог простить Войне.

Он выжил после последнего тяжёлого ранения и вернулся в родную школу. На своих уроках истории для него было важным – научить ребят ценить и беречь радость и счастье Мира во всём мире. Рассказывал о жестоких боях и стоящих насмерть бойцах в сражениях за Родину, участником которых он был на пути к Победе. Горечью бесконечных потерь были пронизаны его рассказы. Как в начале Великой Отечественной войны, весь Керчинский пролив, до самого горизонта стал белым от бескозырок наших погибших защитников моряков. Как воды Волги, после жестоких сражений в Сталинграде, стали алыми. И многое другое, что осталось в памяти о беспримерном Подвиге наших бойцов боях за мирное будущее нашего Отечества. Такие уроки напоминали своим воспитанникам, что и по сей день, особенно по ночам, безумная правда Войны терзает усталое сердце вернувшихся со Святой Победой наших солдат.

В его рассказах о Великой Победе нашего народа, спасшего Мировое сообщество от чудовищных идей и действий нацизма, отзывались в ребячьих сердцах желанием участия в миротворческих акциях протеста, не допускающих войны на всей планете Земля.

Сколько ночей Сергею Ильичу снился один и тот же сон, во всех ярких подробностях, повторяясь и заставляя просыпаться с болью в сердце. Это был сон о сынишке Мишане, о счастливом мирном дне, накануне войны, в июне 1941г:

«Мишаня, Мишаня!» – звала бабушка внука, разыскивая повсюду непоседу. За ним нужен был глаз да глаз. В свои пять лет малыш всегда что-нибудь открывал для себя. И в этот миг его было не слышно и не видно.

Уткнувшись в ладони подбородком, опираясь локотками о подоконник, он подолгу мог рассматривать в открытое окно всё, что происходит вокруг. Изумлённо вглядываться в гроздя соцветий сирени, заглядывающих в дом своими сиреневыми душистыми ветвями. Следить за птичкой, прыгающей с ветки на ветку и вдруг замирающей на очередной раскачивающейся опоре. Мишаня наблюдал живое дыхание окружающего мира сосредоточенно, замирая в ожидании очередного чуда. Всё вокруг было удивительно интересно и как будто зазывало его: «Иди к нам, иди к нам».

И он шёл во двор, огороженный деревянными кольями, сквозь которые была видна тропинка, убегаящая к роще. Но туда ему ходить без взрослых строго-настрого запрещалось. Во дворе всё воспринималось иначе, чем из окна. Роскошь цветного разнотравья захватывало его. Увидев божью коровку, он всматривался в горошинки на блестящей её спинке, а когда она улетала, удивлялся, наморщив лоб, пытался разобраться, чем же он ей не угодил и почему спугнул. Она так ему нравилась. На прозрачные крылышки стрекоз или на роскошных бабочек можно было смотреть только издали. Как бы осторожно Мишаня не подкрадывался к ним, те мгновенно улетали.

Возвращаясь в дом, он брал большие, с красивыми картинками книжки и так же внимательно и долго рассматривал их, угадывая по каждой из них услышанный накануне от отца сюжет. Затем шёпотом пересказывал его своим, сидящим рядом друзьям, мишке и зайцу. Он очень любил их, на ночь укладывал рядом, дожидаясь пока мама или папа прочитает какую-нибудь очередную сказку. Хотя он их, почти все, знал наизусть. Особенно он любил, как они

оба, улыбаясь ему, напевали: «На сон грядущий малышу, чтобы приснилась радость песни и две радуги в лесу...».

За бесконечное любопытство и всепоглощающее внимание ко всему, к чему бы он ни прикоснулся, бабушка Варя ласково прозвала его: «Мой Филиппок».

Для малыша это раннее утро, 22 июня 41-го года, стало настоящим праздником. Он, в это солнечное воскресенье, на автобусе с отцом, отправился в гости к деду Серёже и бабушке Алле, которые жили в соседней деревне. «Мишутка, дорогой, вот ты нас и наведал!» – с такими словами они всегда встречали любимого внука. А он, обнимая их, деловито спрашивал: «Деда, а когда нам на рыбалку идти?», вызывая этим улыбку всех присутствующих, малыш обожал рыбалку.

И Мишаня, в предвкушении встречи, устроился у отца подмышкой как под крышей. Отец, чьи мощные плечи и барельеф выступающих мышц говорил о его незаурядной физической силе, был для него надежной защитой. Так же как и дома, положив подбородок на ладони и упираясь локотками в колено отца, он рассматривал людей, с их неповторимыми особенностями. Задумчивый взгляд останавливался на каждой встречаемой мелочи, изучая её своеобразие. В этот момент они были очень похожи друг на друга, отец и сын, с каким-то особенным глубинным задумчивым взглядом синих глаз. Обняв сына, и время от времени целуя его в макушку, отец поглядывал на него, улыбаясь и поглаживая по спинке. А тот ловил доверчиво взгляд его, доверительно прижимаясь к его сильным и добрым рукам, улыбался в ответ, открыто и радостно. А через мгновение вновь был поглощён то проплывающим в небе облаком, то удивлялся белым берёзам с их печально опущенными ветвями.

Временами, Мишаня сосредоточенно и серьёзно поглядывал на отца, как бы ожидая его оценку этого завораживающего окружающего мира. И неизвестно для кого из них обоих был важнее этот волшебный миг молчаливого взаимопонимания и бесконечного доверия друг к другу. В этом безмолвном диалоге чувств отца и сына отражалась гармония взаимоотношений любящих сердец. Для Сергея Ильича это было трогательным фактом, наводивший на размышления об истоках большой настоящей мужской дружбы. Напоминало о золотом времени детства, его удивительных возможностей для проявления широкой и щедрой души ребёнка, его бесконечной пыливости ума и радостных чувств.

И вдруг всё рухнуло. Взрывом опрокинуло автобус. Радость утреннего воскресения, 22 июня 1941 года, погасла для Мишани навсегда. Под вой бомбежки сердце малыша, который так преданно любил всё и всех вокруг, остановилось. Война! Великая Отечественная война.» Сергей Ильич просыпался весь в холодном поту и тянулся к валидолу. Прохлада раннего утра заставляла его приходить в себя —живым надо жить, чтобы строить новый мир, и только так.

В День Победы, 9 Мая, праздник светлый и скорбный, произнося: «Ничто не забыто, никто не забыт! Вечный Огонь горит в душе каждого человека о беззаветном Соборном Подвиге нашего народа во имя жизни на земле...» – Сергей Ильич, невольно отворачивался, убирая со щеки горькую слезу. Его сердце жгла, память о сыне Мишане, не отступая.

Алёнка

Марина Васильевна, ахнула, в ужасе притянула к себе дочь и заплакала. «Откуда ты, здесь, на передовой! Господи, что же я с тобой буду делать, здесь постоянная бомбежка, здесь война» – причитала она по бабьи, задыхаясь и смеясь одновременно от неожиданной радости свидания. Алёнка исподлобья всматривалась в такое родное и в то же время чужое заплаканное лицо и всхлипывала в ответ: «Мама, я очень о тебе соскучилась, очень – очень».

Через час искупанная, накормленная и не менее взволнованная, чем Марина Васильевна, она уснула счастливым сном.

Марину, уже как месяц срочно прикомандированной к штабу армии Калининского фронта вместо погибшей машинистки, тут же потребовали отчитаться за проступок лейтенантов, доставивших в её руки 10-летнюю дочь.

Начальство только разводило руками, а по ближайшему окружению побежала весточка о смелой малышке, примчавшейся на фронт к маме. Защемило сердце у многих, навернулась слеза на солдатские глаза, разучившиеся плакать. Только каждый из пришедших, с кулёчком угощения – кто с кусочком сахара, кто неизвестно как завалявшейся конфеткой, испытывал щемящее чувство дома. А у некоторых взгляд теплел, глядя на маленькую, хрупкую и вихрастую девчущку Алёнку. Вернувшиеся с передовой разведчики, которым полагалось помимо фронтовых 200 грамм, баня и кино, чтобы вновь быть готовым к сверхчеловеческим перегрузкам войны, поглядывали на важную гостью в конце кинозала и улыбались.

Уже через неделю Алёна, с попутчиком, капитаном Добровольским была доставлена домой, к бабушке, в почти весь разрушенный от артобстрелов город. У капитана во время бомбежки погибла вся семья. Учитель по образованию, он весь путь домой читал ей стихи Лермонтова и рассказывал, как он вёл свой дневник. Устав от пережитого, Алёнка мирно посапывала у него на руках.

Валентина Осиповна слегла с гипертоническим кризом, когда узнала об отъезде внучки на фронт. Она очень переживала и не находила себе места, от того что отмахнулась от ребёнка, не приняв всерьёз её заявление: «Бабуля, я еду на фронт к маме!» Занимаясь стиркой, усталая после бессонной ночи в госпитале, она только и смогла ей сказать в сердцах: «Да помолчи ты, наконец, езжай куда хочешь, хоть в тартарары!»

Она переживала и за молоденьких новоиспеченных лейтенантов, вчерашних курсантов. Ведь наверняка просто выговором не обойдётся для них опрометчивое согласие вести ребёнка к матери на передовую.

Ругала себя за то, что не одёрнула внучку, презрительно посмеявшейся над лейтенантами, над их поспешностью, с которой те при бомбежке заторопились укрыться в бомбоубежище. Своей фразой: «Вот это да – боятся какой-то бомбёжки. А я думала вы настоящие солдаты» заставила обоих измениться в лице и покрыться пурпурной краской. Ваня был родом из Подмоскovie, застенчивый и неуклюжий, только что-то и пробормотал в ответ. А Саша, всегда уравновешенный ленинградец, хмыкнул и сказал строго, это воинская дисциплина, беречь свою жизнь для сраженья с врагом. И в ответ на замечание, вот посмотреть какой ты была бы на передовой, девочка живо ответила: «А я и поеду с вами, к маме».

Болело сердце и за дочь, как ей обойдется появление Алёнки на передовой, ведь это нарушение устава.

Марина, окончив курсы разведчиков, заявила матери, что у неё совести не хватает сидеть в тылу, и вообще вся душа изболелась, измучилась. Враг то уже под Москвой. Валентина Осиповна, прижав к груди ещё не пахнущую войной гимнастерку дочери, только и смогла выдохнуть из себя: «Не волнуйся за Алёнку». После отъезда Марины она сутки не поднимала головы, всё кружилось перед глазами и плыло. Но надо было жить дальше, рядом была внучка.

Алёнка не отходила от бабушки, непривычно молчаливая, испуганная и только приговаривала: «Бабуля не умирай, тебе нельзя умирать, пожалуйста. Я буду слушаться тебя. Буду во время бомбежки ходить с тобой в подвал». Алёнка категорически отказывалась прятаться во время тревоги в темном сыром подвале. А в ночные налёты говорила Валентине Осиповне спокойно, сквозь сон: «Бабуля, не волнуйся, я бомбежки не боюсь и со мной ничего не случится». Но та, брала внучку за руку и вела за собой. И на это у неё была одна фраза: «Если не хочешь, чтобы бабушка умерла, иди со мной». Поэтому для Алёнки был праздник, когда бабушка оставалась в госпитале на ночное дежурство. Она безмятежно спала, не слыша ни взрывов, ни как содрогалась земля от рухнувшего, где – то на соседней улице, дома. И только удивлялась днём появившимся горам обломков и тлеющих остатков от очередного дома в соседнем дворе.

Возвращение Алёнки с фронта вызвало фурор. Ребята из соседнего уцелевшего дома и из её подъезда, тесно обступив сорванца-героя, просили рассказать, что же на самом деле происходит на передовой. Ведь там так страшно и что же там творится. И самое главное это то, что слышно о Победе. А также выясняли массу подробностей о войне на фронтовой линии. Мальчишки выспрашивали всё до мелочи, втайне завидуя, почему не им выпал такой счастливый случай. Алёна отвечала на расспросы обстоятельно и деловито. Рассказала, как немецкий летчик, пролетая в бреющем полёте над фронтовой машиной, в кузове которой сжалась в комочек Алёнка, взглянул прямо в глаза девчужке и «не прошил» её пулеметной очередью. И заметила, что только один раз она пожалела, что не знала ненавистный немецкий язык, когда знакомые разведчики вели генерала, – «языка». Она очень сожалела, что всю силу своего презрения смогла показать только взглядом.

А в памяти еще долго кружились те счастливые дни с запахом маминых волос, без чувства голода и картофельной шелухи, от которой всегда долго болел живот.

Прошло много лет, Алёнка стала для многих любимым доктором Еленой Сергеевной. Её с нетерпением ждали в селениях и посёлках Подмосковья. Ведь важно было на приёме у врача не только поведать ей все свои физические горести и печали, но и стать сильнее, а может быть и добрее друг к другу. И всё это после общения с таким, светлым душой, доктором. И что важнее было для многих, доказать себе, что не может человек жить без любви и сострадания.

Елена Сергеевна привозила с собой в командировку всех основных специалистов, к которым было непросто добираться издалека. Выводы её блестящей диссертации, об оказании лечебно-профилактической помощи в сельских районах, настоятельно требовали государственного подхода к её проекту национального здоровья страны для широкого внедрения в практику.

Дерзкой Алёнке, не боявшейся когда-то бомбёжек, удалось пронести через долгую жизнь бесстрашное сердце и чуткую душу. И уезжая к своей внучке в Германию на постоянное место жительства, она хотела только одного. Не потерять в ином пространстве нашей земли свою доброту и открытость сердца. Ведь это и есть то богатство, которому нет цены. Оно было завещано ей как самый главный завет, как оберег, – там, в страшном горниле войны, где в беззаветной самоотдаче ковалась наша Победа, рядом с мамой.

Однако, через месяц, Елена Сергеевна вернулась в Москву, уже навсегда.

Из дневника юной варшавянки

Во время варшавского восстания, это было начало августа 1944 г., мне было 12 лет, а моей сестрёнке Людвиге было 13 лет. Все страшные события тех военных лет в нашей памяти всегда с нами.

Люди всего боялись и старались не выходить из дома – немцы убивали беспощадно за малейшую провинность. Особенно зверствовали бендеровцы и выпущенные из тюрем уголовники.

Участники Варшавского подполья – и дети, и взрослые общались и передвигались через подвалы домов, соединенные между собой пробитыми подземными ходами. И мы с сестрой и другими ребята – связными подполья выполняли самые опасные задания и поручения. Нередко разносили из штаба перевязочный материал, патроны, гранаты. А я с сестрёнкой лучше всех ориентировались в этих тропинках-лабиринтах. Задания выполняли быстро и точно.

Погибло много детей, бросавших бутылки с зажигательной смесью прямо на гусеницы танков «Берта». Тогда немцы стали выгонять из подвалов детей, стариков, женщин, передвигаясь на танках под прикрытием живых. После войны нам, детям, помощникам и участникам варшавского восстания был поставлен памятник на одной из площадей Варшавы, недалеко от Королевского замка. В Дни Памяти там звучит гимн, посвященный погибшим детям Варшавы, отдавшим жизнь за будущее Польши.

Во время восстания смотреть на небо было страшно. Самолёты плотно покрывали всё небо над городом, засыпая его листовками с обещанием сохранить жизнь сдавшимся. И люди, обессиленные от голода и жажды, пожаров и жары доходившей до 30 градусов, стали выходить из домов к фашистам.

Варшаву сравнивали с землей непрерывные обстрелы и бомбежки. Больше всех пострадал наш район Воля. К нам во двор ворвались немцы, когда мы играли в прятки. Мы с Людвигой в это время прятались в кустах. Мой двоюродный братик и ещё пять мальчиков были сразу же убиты на месте. Моя тётя с грудным ребёнком на руках выбежала во двор и, успела только нам крикнуть: «Дети, бегите...», – упав замертво рядом с ними. И мы с Людвигой, дрожа от ужаса и страха, стали прятаться на кладбище в склепах. Немцы выгоняли всех уцелевших жителей на улицу и гнали на вокзал, чтобы отправить в концентрационные лагеря. А наши дома выжигали напалмом вместе с теми, кто не хотел подчиняться приказам фашистов.

После подавления варшавского восстания мы с мамой попали в концентрационный лагерь Освенцим. Но нас, детей, это не очень пугало. После непрерывной канонады бомбежек, обстрелов, испепеляющей жары от пожаров и постоянного чувства голода, который уже перестали чувствовать, и постоянного желания пить, мы попали в пространство тишины. Для нас, детей, тишина была восхитительным подарком, мы просто наслаждались ею.

Всех прибывших в лагерь сразу же разделили на группы. Больных, маленьких детей и немощных стариков тотчас отправили в газовые печи. Мы уже знали об этой будущей страшной участи для большинства из нас. Маму и других более-менее здоровых на вид женщин, отделили на работы. Когда маму увозили, она нам, плачущим детям успела крикнуть: «Доченьки, ничего не бойтесь! Всегда держитесь за руки!». И мы действительно до сих пор, вот уже прошло более 70 лет с тех страшных дней, держимся друг за друга и в радости, и в печали, и в беде.

В лагере мы с Людвигой чудом попали в лазарет и нас это спасло. Сестренка постоянно задыхалась из-за болей в сердце, как потом оказалось, она перенесла на ногах инфаркт. А я едва передвигалась на костылях из-за болей в суставах. Но как только офицер-гестаповец появлялся на пороге, наша медсестра Бася, совала нам в руки веники. Она очень жалела нас, польских девочек. И мы делали вид усердных помощниц. После этих посещений пять – шесть детей

гнали в печи. А мы с сестрой в изнеможении падали и с трудом приходили в себя – и на это уходило всегда два – три часа.

Мы знали, что у только что поступивших детей брали по большому количеству крови для солдат в немецких госпиталях. Большинство из этих ребят погибало сразу же. И мы очень боялись такой же участи для себя. Мы видели, как по «дороге смерти» к газовым печам постоянно кого-то несли или вели.

Когда концлагерь, куда нас в двух эшелонах отправили из Освенцима, освободили солдаты союзников, нас переодели из лохмотьев в одежду фонда Красного Креста. Немного подкормили и передали в руки воспитателей. Потом оформили нас в поезд, идущий в Советский Союз. Где-то, на одном из вокзалов, нас с сестрой высадили в каком-то городке и мы, дня два скитались по подвалам, пока не вышли к храму. Выслушав наш рассказ с жуткими ужасающими подробностями, батюшка оставил нас у себя в комнате. Он предупредил нас при этом, что никому и никогда нельзя рассказывать о нашей страшной детской судьбе и обо всём, что происходило в концлагере.

Постскриптум

После войны судьба нас забросила в Краснодар, мы с сестрой закончили ПТУ связистов. Окрепили. Я бросила костыли после неоднократного лечения в санатории «Горячие ключи». Людвигу перестали беспокоить мучительные боли в сердце, она окончательно восстановилась после многоразового санаторного лечения. Наконец получили новые документы. Людвиг стал Людмилой Сергеевной, а я из Кристины стала Ольгой Сергеевной. Мы полюбили своих будущих мужей. У нас появились семьи, родились дети. Я стала директором музыкальной школы. А сестрёнка стала учёным. Вместе со своим мужем, профессором высшей школы, они многое сделали для решения проблем связи при освоении космоса.

И конечно, наши, уже взрослые дети только недавно узнали о страшных событиях детства своих мам. Мы молчали 45 лет.

Недавно, нас, как участниц Варшавского подполья пригласили в нашу дорогую Варшаву. О судьбе нашей мамы мы так ничего и не смогли выяснить. Единственное, что удалось – это с трудом найти склеп на кладбище где мы в детстве прятались от бомбежки. Мы всё-таки отыскали двор, где когда-то был наш дом, к нам подошла очень старенькая женщина, всплеснула руками, со слезами обняла мою сестрёнку, приняв её за нашу маму. Ею оказалась наша бывшая соседка по площадке, а сестра моя, к счастью была просто копия нашей мамочки.

Сейчас мы живём не один десяток лет в Москве, нас радуют наши дети и внуки. Я возглавляю объединение Ветеранов войны в своём районе. Нам с сестрой уже далеко за 80 лет. Но мы регулярно посещаем польское посольство, очень любим наш замечательный хор. Здесь каждый понедельник мы радуем слушателей песнями на родном польском языке, хотя русский язык стал нашим вторым родным языком. И мы частенько выступаем с концертами в других посольствах.

А подрастающие школьники, нередко со слезами на глазах, узнают о трагедии Великой Отечественной войны по нашим воспоминаниям, её очевидцев. Конечно, нам очень трудно и мучительно возвращаться к памяти тех далёких военных лет. К памяти нашего грозного, дерзкого и неспящего варшавского детства. К памяти безумно жестокого Освенцима.

Но мы берем себя в «кулак», и никогда не отказываемся от встреч с нашими юными слушателями. Для нас это Миссия защиты Мира во всём мире. Мы понимаем важность такого общения – нужно чтобы наши дети ни внуки не забывали уроки войны. Очень тяжело вновь и вновь вспоминать свое страшное детство. Леденящий детскую душу страх смерти притутился только последние годы. Для нас, прошедших кошмары войны, важно, чтобы подрастающие ребята учились понимать, что мир надо беречь от нацизма и отстаивать, во чтобы это не стало, мирное небо над всем миром.

Память войны

**Материнская любовь
Доживи до рассвета
Пламя Вечного Огня
Яблоки
«Окопный» гений
Селигериус
Память
Во власти мечты**

Материнская любовь

Перед самым уходом, Светлана Петровна, держа руку единственного сына Вячеслава, в своей холодеющей руке, рассказала, как с мужем ей пришлось расстаться – они воевали на разных фронтах, и что она искала своего любимого всю Отечественную.

Война закончилась для её Георгия в августе 1945 г. после смертельного ранения в боях с Японией. Он чудом выжил, хотя и остался без ноги. Главное, как он считал, можно было продолжать жить. Он верил, что найдет свою Светлану, которая, как и он, так и не успела узнать семейное счастье. Он запомнил то чудесное воскресное утро, когда война, смертью сметавшая всё на своем пути, оборвала радость их свадебного застолья. Великая Отечественная война перечеркнула будущее молодых семей всей нашей необъятной Родины.

Вся страна замерла от повисшего над всеми предчувствия страшной беды, которую можно отвести только в священном бою не на жизнь, а на смерть. Отчаянье от возможной безвременной гибели любимых и близких было не спрятать, оно слезами стояло в глазах матерей, жен, невест. Многие старались не показывать ужас расставания навсегда, своим дорогим и бесценным, уходящим защищать их дом, их будущее. Только надежда и вера в близкую Победу поддерживала всех. Как показало время, для оставшихся в тылу – жизнь стала ежедневным, абсолютно беспримерным, подвигом и героизмом. Это был Трудовой Фронт, где всё подчинялось одному – нашей Победе над мракобесьем фашизма и возвращению домой дорогих и любимых защитников с одной на всех Победой.

И Светлана Петровна тихо поведала своему Славику, как они с Георгием были счастливы, что смогли выжить и отыскать всё-таки друг друга в сложных, уже послевоенных днях. Как они решились взять ребёночка из Детского дома, где были в основном обездоленные войной сироты. Ведь возможная обездоленность, как дамоклов меч, повисает над каждым малышом, ставшим вдруг по воле судьбы сиротой. Извечная беда и чаще непоправимая трагедия в том, что за этим стоит нелюбовь. Ребёнок тоскует по родительской любви. Всё существо ещё крошечного новорождённого пронизано неистребимой жадой любви, томиться в предчувствии этого всеобъемлющего и поразительного чувства, храня его, прежде всего под сердцем будущей мамы. Всей душой, веря в преображающее чудо материнской любви, Светлана Петровна вошла в Детский дом, чтобы обрести сына, о котором она так мечтала, но которого Бог ей не дал.

Заведующая вывела к ней несколько мальчишек, которые, сжимая в руках незатейливые детдомовские игрушки, с надеждой в глазах смотрели на грустную тётю. Вдруг один мальчонка (это и был Славка) выскочил из стоящей в дверях группке мальчишек и, подбежав к Светлане Петровне, с неожиданной для ребенка силой обхватил её ноги и тихо сказал: «Мамочка, я знал, я знал, что ты за мной придешь!». И она, схватив его на руки, прижала к сердцу, а счастливый Славка стал водить пальчиком по белоснежному кружевному воротничку своей мамы и вдруг выпалил ей в лицо стишок, который им дали разучить в Детском доме. И в ответ она только расплакалась. Так в судьбе Славы зажглась новая звезда – нежность материнской любви, наполняя его душу богатством окружающего мира, оберегая его и ведя по жизни незримо, но как путеводная звёздочка.

Родители очень любила Славку, хотя названный отец был часто строг с ним, а Светлана Петровна практически посвятила себя сыну. Вячеслав в полной мере осознал это много позже, став отцом. По крупицам он создавал, уже в своей семье, атмосферу, наполненную трепетным чувством всеобъемлющей любви, которую он хранил в своем сердце как главный завет своих родителей. Он всеми силами души берёг эту, казалось эфемерную, но наполненную ответственной светлой нежностью и бережностью атмосферу, которая как чудо материнской любви Светланы Петровны, всегда присутствовала в его семье. Эта безграничная любовь в семье про-

являлось в детской доверительности и трогательной теплоте общения. Дети только радовали его. А они в свою очередь всегда доверялись совету и моральной поддержке своих родителей.

Дочь нашла себя, посвятив экономике и науке, после окончания университета имени Г. В. Плеханова. Сын, пройдя суровые испытания военной службы, сумел пройти школу самовоспитания в двух высших учебных заведений. Он, ещё долгое время старался ходить вместе с отцом в байдарочные походы, которые были наполнены испытаниями преодоления и бесконечным таинством общения с природой. Сын как-то признался, сколько душевных сил приносит ему общение с отцом во время этих байдарочных путешествий. А однажды он был поражён признанием отца, когда тот в Детском доме, на руках будущей приёмной мамы, рассказывал ей стишок: «Я, маленький мальчонка играю и пою, я Сталина не видел, но я его люблю». А потом, тот признался, как этот «друг» всех детей и народов уничтожил в лагере родного брата приемного отца Славки. Рассказывая о многом, трагическом и непоправимом для всей страны. Ненависть и любовь к тирану нелепо уживалась в сердцах многих представителей того поколения советских людей. Было о чём задуматься и что понять в эти тихие вечера у ночного костра.

Как-то сын откровенно сказал отцу: «Жизнь так коротка, потому тороплюсь учиться жить по совести, со всей ответственностью и любовью к людям». Ведь он, отдавая всё своё время интересам города, где был помощником губернатора, с честью и творчески делал свою очень непростую работу. Причём, выполняя её как высокий гражданский долг перед своими современниками, верил, что только так можно избежать жестокие, по своей несправедливости и трагичности уроки прошлого нашей страны.

Через всю жизнь Вячеслав пронёс свет негасимой материнской любви в своем сердце, изумленно наблюдая её волшебный отблеск в судьбах своих детей и внуков. В судьбах, наполненных душевностью и талантом строить будущее по законам добра и любви со всеми и для всех.

Доживи до рассвета...

Всё началось с деревянного сундука на чердаке дома, который выстроил прадед, Иван Кондратьевич, перед уходом на войну 1914 года. Дом на редкость был крепким и конечно воспринимался как реликвия, – выдержал пожарища Гражданской войны и дожил благополучно до наших дней.

Однажды Алёшка заглянул в этот кованный жёстью сундук, и чего только не нашёл в нём. Это были и солдатские обмотки, как оказалось со времён первой мировой войны 14-го года. Здесь были и заштопанная будёновка – прадед воевал в бригаде легендарного Чапаева, и затёртая коробочка с осколком, который был извлечён после ранения на Курской дуге прямо у сердца прадеда, и торжественно вручен бойцу хирургом. Всё это Алёшке рассказал дед, Иван Иванович, весь израненный, но сумевший дойти до самого Берлина. И по его словам, он теперь жил за своих товарищей, уже 90-й год.

Дом был срублен основательно и дед, при случае, внушал своему внуку, что надо учиться жить как наши прадеды – также основательно и с честью. Он не забывал, при этом, торжественно изрекать слова знаменитого полководца 19 века Александра Суворова: «...жить, чтобы служить Отечеству и людям». Внук, при нечастых наездах к деду, отмахивался от его нравов учений.

Однажды, с поручением написать о родных, сражавшихся во время Великой Отечественной войны, обратилась к классу Мария Гавриловна, школьный историк. Она просила на зимних каникулах написать воспоминания о фронтовиках со слов близких, кто их любил и помнил. Речь шла об участии в шествии Полка Бессмертных.

Алёшка легко уговорил отца отвезти его на зимние каникулы к деду в деревню. Ему, прежде всего, очень хотелось основательно перебрать содержимое сундука на чердаке. Кроме того, не терпелось написать обо всём, что он выяснил из рассказов деда. Он живо представлял себе героического прадеда своего, летящего на коне в Гражданскую войну, и осколок, который застрял где-то в сантиметре от сердца лихого Ивана Кондратьевича уже в Отечественную войну. Чувство восхищения смешивались с горечью и печалью в душе Алёшки. Едва сдерживаемые слёзы застревали комком в горле, когда он вслушивался в скудные воспоминания деда о легендарном прадеде, Иване Кондратьевиче.

Бабушка, Валентина Осиповна, охала: «Ну что ты потерял в этом сундуке, – горячилась она, видя красные глаза внука и припухшее от слёз лицо. Приговаривая при этом строго: «Ну что ты так?» – торопливо ставя градусник Алёшке и ощупывая его горячий лоб. Но, прочитав его сочинение, всплакнула даже, ведь она познакомилась с прадедом, Иван Кондратьевичем, уже 90- летним старцем, сохранив о нём самые тёплые воспоминания. А ещё внук описал историю последнего ранения деда, Ивана Ивановича, в январе 1945 года.

Его спасла медсестра Полинка, она вытаскивала деда из воронки волоком, рывками, но без остановки и только приговаривала: «Доживи до рассвета, доживи до рассвета, миленький, прошу тебя...», – и плакала при этом навзрыд, уж больно тяжеленный весом был раненный. На что, дед продолжал умолять её: «Сестричка, брось! Сестричка, спасайся сама!» Дед остался бы без ног, не попади вовремя на операционный стол. И как сказал потом хирург: «Опоздай еще на час боец, начиналась бы у тебя гангрена. В рубашке родился».

Алёшка видел Полинку на фотографии рядом с дедом, бравым сержантом, где она весёлая, с орденом Ленина на груди, будто посылая привет из того грозного времени. Несмотря на свой небольшой росточек, девушка вынесла из-под огня больше сотни бойцов, получив заслуженную награду

Полина погибла через месяц, после того как вернулся дед из госпиталя. И те, кого она вынесла из-под огня и стала им как родная, не стыдились своих слёз. Суровые и прячущие

слёзы даже от себя, под гром залпа над братской могилой погибших в последнем бою, они давали клятву себе, биться с врагом до последней капли крови, до Победы.

Дед рассказывал обо всём просто, но так ярко, что перед глазами Алёшки промелькнули как страницы эти памятные трагические дни Великой Отечественной войны. Он ощутил до глубины души всю силу клятвы: «Выстоять и победить во имя Родины и Мира!» Всем сердцем ощутив радость нашей Победы, почему она святая и почему одна на всех. Почему за ценой не постоять, клялись всей страной.

Бабушка, на прощанье крепко обняв внука, шепнула ему, чтобы обязательно прислал фотографии о Праздновании Дня Победы 9-го Мая, о шествии Бессмертного полка. Дед будет очень ждать весточку от внука. Алёшка с бесконечной грустью прощался с Иваном Ивановичем, который уже не вставал из-за открывшихся старых ран. По ночам кричал: «К бою» и громко стонал от боли. И вскоре его не стало.

Горечь сжимала сердце Алёшки, что так поздно узнал своего героя деда и совсем не знал о своём прадеде, прошедшего с честью три войны.

Выслушав его сочинение, зачитанное перед классом, Мария Гавриловна задумчиво произнесла: «Какими богатырями богата наша земля, и потому, кто с войной к нам придёт того неминуемо ждёт гибель».

Теперь Алёшка шёл с отцом на шествие Бессмертного полка, крепко сжимая в руках портреты прадеда – Ивана Кондратьевича и деда – Ивана Ивановича. Бесконечной, миллионной полноводной рекой, двигалось шествие, объединившее всех Памятью защитникам нашей Родины, стоящим насмерть против мракобесия фашизма, во имя жизни и мира на земле.

Сыновья, внуки, правнуки – потомки тех, кто теперь поименно «шагал» в этом едином святом строю, шли под чистым голубым небом, пронизанным солнечными лучами. Все несли в руках портреты своих дорогих родных защитников, под звуки песен военного времени и несмолкаемого эха, пронесившегося по рядам шествия громким: «Ура!!!», как низкий поклон им, навечно живым. Алёшка шёл, едва сдерживая слезы от переполнявших его чувства благодарности и гордости за всех защитников Родины, за погибших и оставшихся в Памяти близких навсегда. Его охватывало чувство великого единения со всем миром, идущего шествием Бессмертного Полка. И как рассказал ему отец, это шествие, уже в 80 странах нашего мирового сообщества, стало яростным протестом против любых воин, во имя священной Памяти сражавшимся за свободу, мир и счастье своего народа.

Алёшка думал об ушедших грозных годах войны, о мирном небе над своей необъятной Родиной, о том, как будет жить дальше.

Пламя Вечного Огня

Котька горько плакал, уткнувшись щекой во фронтовой треугольник в камне, прообраз заветных весточек, ожиданием которых жила вся страна. Это были письма с фронта, выбитые на «стене плача». Так в народе прозвали памятник солдатам Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., поставленный своим согражданам, погибшим за Родину. Здесь было пространство Святой Памяти защитникам нашего Отечества – всем, кто пал ради его светлого будущего. Ансамбль из трёх стен, возвышающихся как стражи над пламенем Вечного Огня, был символом священной памяти об ушедших в Вечность ради нашей Победы, о надеждах и вере солдат, оставшихся навсегда для всех молодыми.

Необычность этого памятника была в фотографиях погибших, рядом с которыми находились, высеченные из камня заветные слова из солдатских писем. В них сквозила тоска по родным, вера в Победу и надежда на подрастающих детей.

Прислонившись к «стене плача», к фотографии деда, Котька признался в том, какая беда приключилась с ним. Он не смог хотя бы отколотить рыжего верзилу, отнявшего у него ножичек. И крепко зажмутив глаза, едва сдерживая рыдания, пытался заверить деда, что обязательно вернёт ножичек, чтобы это ему не стоило. Вера, что всё неразрешимые проблемы будут улажены лучшим образом с помощью «стены плача», а если надо и обидчик будет наказан, давно поддерживалось народной молвой. И он об этом хорошо знал.

Котька часто приходил к Вечному Огню, чтобы посмотреть на деда, а иногда и поговорить с ним шёпотом. С фотографии деда, Константина Петровича, смотрел молоденький лейтенант с весёлым прищуром глаз. Котьку назвали в честь деда. Бабушка говорила, что внук очень похож на её дорогого Константина Петровича, но частенько поругивала внука за неумение отстоять себя, за излишнюю чувствительность принимать всё близко к сердцу.

Когда, Женька, рослый одноклассник, второгодник, выхватил у Котьки из его рук ножичек, высказавшись, что такая красивая вещь должна быть по праву у него, он не бросился на обидчика с кулаками, а в слезах убежал.

Это был подарок деда, который уходя на войну, оставил ножичек своей жене для будущих внуков, как завет верности важному в жизни правила – бесстрашию. Дед никогда не расставался с подарком – так дорожил им. Ему вручил перед смертью его отец, Петр Васильевич, пришедший с гражданской войны, часто болеющим из-за не заживающих ран.

Петр Васильевич, спас от гибели однополчанина, Магомеда, вытащив тяжело раненного с поля боя и став согласно обычаю его названным братом. Спасённый оказался родом из Дагестана, мастером из местности Кубачи, славившейся издревле ремеслом изысканной филигранной чеканки, и не только. Магомед подарил своему спасителю редкой красоты ножичек, который в своё время изготовил для себя. Эта история так часто звучала за столом в минуты семейного застолья, что подрастающая малышня знала наизусть все подробности того, канувшего в лета, сражения.

Поздно вечером, бабушка, хватившись Котьку, разыскала его у «стены плача». Последнее время его часто видели у Вечного Огня. Разгневанная Марина Васильевна, нещадно ругая, почти тащила за руку зарёванного внука. Узнав в чем дело, она повернула к дому, где жил Женька, буквально ворвалась к нему в дом. Семья собралась за столом, было время ужина. Хозяйка всплеснула руками, услышав историю, которую, горестно утирая слезинки, бабушка выложила тут же.

Женька, уже в 12 лет, был ростом почти с мать. Он рос без отца, чаще предоставленный самому себе, давно пропускал мимо ушей замечания близких. Но очень жалел мать, работающую постоянно на двух работах. Всегда выслушивал молча, без слов в свою защиту или оправдание, все её наставления и претензии. В детстве он часто болел, рос избалованным и вырос

трудным подростком, но к матери сохранил трепетное и уважительное отношение. Вот и сейчас, вытащив из кармана ножичек и не говоря ни слова, сунул его в руки оторопевшего Котьки и стремительно убежал.

Женька бежал сломя голову, не разбирая дороги, задыхаясь от слёз и какой-то неясной тревоги, сжимающей его сердце как клещами. Слезы застилали глаза, ноги сами вели к «стене плача», как будто только она могла помочь ему справиться с его одиночеством и отчаянно затерявшейся душой.

В городок семья попала лет восемь назад. Постепенно и он поверил в волшебную силу «стены плача». И когда было особенно трудно или невыносимо тяжело, как сейчас, Женька поздно ночью пробирался к Вечному Огню. Здесь он мучительно размышлял о себе, о матери, о своем классе, уткнувшись носом в давно облюбованный каменный треугольник-письмо. На этой страничке треугольника было выбито: «А если захотел сынок быть моряком, будь им. Главное в жизни – это твоя мечта!»

Дед его, Иван Трофимович, погиб на подводной лодке где-то в холодных водах Северного моря. И Женька мечтал увидеть те места, где воевал дед, которого знал только по фотографии. Ему очень хотелось быть похожим на этого улыбчивого моряка с лихо сдвинутой на затылок бескозыркой, смотревшего с фотографии прямо в душу Женьке.

Отдать в мореходку он уговаривал мать с детства, но о море, она и слышать не хотела. Именно здесь, у Вечного Огня, он любил мечтать о морских просторах. А потом, запрокинув голову в звездное небо, погружался в мечты о море, которое видел однажды в детстве, в поездке к бабушке в Кронштадт.

Он всегда счастливо, нередко сквозь слёзы, улыбался «стене плача», которая, как правило, ему помогала и обещала, что мечты его обязательно сбудутся. Женька, глядя в пламя Вечного Огня, верил в это, всеми силами своей неугомонной и непростой души.

А Котька на следующий день долго стоял с поникшей головой у Вечного Огня, прислонившись к портрету деда и шепча ему главные для себя слова о своей мечте.

Яблоки

Даня – лучший друг Кирилла с первого класса. Они вместе ходили на футбол в детскую спортивную школу, а вчера заигрались во дворе и не заметили, что выпал снег и похолодало.

Бабушка, приехавшая из деревни накануне, весь вечер охала и билась над Кириллом, у которого поднялась температура. Утром внук чувствовал себя вполне здоровым. И бабушка стала расспрашивать его о прошедшем Дне Победы, о Бессмертном полке. Спросила также, будет ли он с Соней участвовать в следующем шествии с портретом своего деда, Кирилла Ивановича.

Кирилл очень удивился – до будущего 9-го Мая еще надо дожить – так всегда говорила мама, когда дети ждали какого-нибудь важного события. Мария Митрофановна, подождав к себе внуков, сказала Кириллу строго: «Не умничай, а слушай нашу с дедушкой историю о нашем яблонево́м саде».

Она рассказала, что эти чудесные яблоки были из сада, который посадил перед самой войной её Кирилл Иванович. Он, уходя на фронт, подробно описал всю технологию ухода за саженцами и наказал своей Машеньке неукоснительно следовать всем расписанным указаниям. А когда пришла похоронка с Белорусского фронта, с похоронкой был передан орден за храбрость и его неотправленное письмо. В нём, после всех расспросов, был отмечен ещё один важный вопрос – о самочувствии новых морозоустойчивых сортов яблонь, над которыми он, молодой агроном, бился два года, перед самой войной.

Так и осталась Мария Митрофановна с дочерью на руках и заботой об оставленном завете мужа, сказанном на прощании: «Сад на радость людям нужен, Машенька. Вот увидишь, яблоки будут просто замечательно красивыми и вкусными, я тебе обещаю. Как вернусь, так выпишу тебе благодарность за нашу удачу». Эта история, всех притихших слушателей, озадачила. А Соня воскликнула: «Так вот откуда у меня столько сил – дедушкины и бабушкины яблоки волшебные!» И все кинулись обнимать свою любимую бабушку.

Всё-таки Кирилл сбежал в школу. Причина была очень важной. – у Данька, лучший его друг, сегодня пригласил весь третий класс к себе домой на день рождения.

Кирилл возвращался домой хмурый и очень грустный. Опять получил двойку за поведение. А ведь он только хотел помочь Даньке рассказать спряжение без ошибок и тут, прямо на уроке, между друзьями началась перебранка. Оба были выставлены за дверь под общий смех класса. У Кирилла упало настроение окончательно ещё и потому, что Даниил назвал его предателем из-за этого курьеза на уроке. И конечно, разобидевшись на друга не на шутку, он теперь брёл домой, чуть не плача.

У дома, на детской площадке стояла его пятилетняя сестренка Таня и хныкала. Звала маму, которая перед уходом в магазин строго настроено приказывала ей гулять и дожидаться сестру Соню. На снегу алело большое румяное яблоко. Таня привязала к нему веревочку и тянула его за собой, приговаривая: «Мой песик Мулька, почему ты меня не слушаешься? Почему ты хочешь убежать от меня? Вот сейчас придет Соня и задаст тебе жару».

Кирилл слушал, слушал малышку и засмеялся громко. Он весело сказал Тане: «Какой же это Мулька, это толстый Барбос, видишь, он даже стал красным от толщины и лени».

«Ничего подобного, это Гаврик, он только приехал из Африки, поэтому он такой загорелый до красноты» – сказала Соня, сбегающая со ступенек. Она весело присоединилась к этому замечательному диалогу. И, видимо, как всегда, захотев подшутить над Кириллом, крикнула ему: «Подожди меня немного около Тани, я сейчас» – и убежала.

Соня была одноклассницей старшего брата Даньки и частенько разыгрывала друзей. И Кирилл стал ждать сюрприза от её очередного розыгрыша, сейчас он этого очень желал. Он надеялся посмеяться вместе с Соней, так хотелось забыть о ссоре с Данькой.

Вдруг, откуда-то сверху раздался возглас Сони: «Ура! Ура!» Прямо с балкона второго этажа падали разноцветные яблоки – малиновые, алые, зеленые. Они сыпались дождём и рассыпались на снегу, сияя в белоснежном пространстве и притягивая к себе как магнитом.

Мария Митрофановна, ещё не пришедшая в себя после долгой дороги из деревни, только и успела вымолвить: «Ну и сорванцы, ну и сорванцы!» Она очень любила своих внуков, а из-за больных ног всё реже стала навещать их. Но озорная шутка Сони ей пришлась по душе, и она только прошептала себе: «Господи, как был прав Кирилл, сколько радости от его яблок». И как будто в ответ, на её радость, из окон неслось: «Дедушкины яблоки! Бабушкины яблоки! Наша бабушка вчера привезла! Смотрите какие!!! Помогите скорее собрать!!! Пока мама не успела расстроиться!» – кричала весело Соня.

Но тут Кирилл услышал голос Даньки и снежок, пущенный другом, попал прямо ему в голову. Данька стремглав мчался к нему, на бегу швыряя в друга снежками.

«Ура! Ура! Ура!» – закричали Танюшка, ребята, и через минуту присоединившаяся к ним Соня. Друзья продолжали колотить друг друга снежками. Счастливо смеясь, бросились к Соне помочь собрать такие чудесные яблоки из сада ушедшего лета. Яблоки из сада, посаженного Кириллом Ивановичем и завещанного им, – из того сурового, 1941-го, военного года, на радость людям.

Красивые наливные душистые яблоки, которыми угощались все дети в округе. И не только.

Остров Селигериус

*Памяти Георгия Шарова,
любимого школьного учителя из г. Видное*

Всем безоговорочно полюбился, пришедший в школу в качестве физрука, Василий Константинович Соколов. Молодой лейтенант, только что вернулся с фронта. Пройдя всю Великую Отечественную войну, ещё не оправившийся после тяжелого ранения, он придумывал для своих подопечных самые разные ситуации, в которых ребята постигали мудрость самостоятельности, умения не бояться трудностей. Василий Константинович буквально заразил своих мальчишек и девчонок походами в удивительно красивые ближайшие окрестности. А его байдарочные походы со своей школьной командой в верховье Волги, туда, где начинаются её истоки, где в легендах и преданиях живёт душа нашего народа, подарили ребятам чувство бесконечного восхищения родным краем. Маршрут пролегал и по удивительному по красоте озеру Селигер.

Василий Константинович, среди нескольких его островов, в северной части этого озера приметил живописный остров Хачин с замкнутой экологической системой, где обитали не только бобры и зайцы, но и встречались кабаны, лоси и даже медведи. А целебный воздух был напоён ароматом хвои. Именно здесь, художник Иван Шишкин писал этюды к своей знаменитой картине «Утро в сосновом бору» Остров был настоящей жемчужиной озера.

И, наконец, пришёл день, когда Сергей Шаповалов, чемпион школы по гимнастике, поднял флаг открытия летнего школьного лагеря на острове Хачин, которому ребята дали своё название – остров Селигериус.

Этот день, освящённый божественным великолепием Селигера и его поразительной историей в жизни России, стал поворотным в судьбе многих мальчишек.

Здесь ранее пролегалли торговые пути. А на острове Столобный, возвышался Монастырь Нилова Пустынь из пяти церквей, сегодня он восстановлен – это удивительное архитектурное наследие. Его начало заложил со времён седой старины, в 15 веке монах Нил, к мощам которого поклониться стекались паломники со всей великой Руси. Трагическая судьба монастыря наводила на мысль о несбывшихся надеждах многих, спешащих сюда на покаяние в надежде обрести себя и душевный покой. Святая вера помогала сохранять самые светлые чувства к своим истокам, не смотря, на порой чудовищные испытания, требующие от человека огромные душевные силы. Вера, только она была опорой в житейском смысле слова, помогающая сохранить человечность и любовь к человеку, жизни.

Кто-то из ребят выточил деревянного идола, и он стал духом острова – Селигериусом, оберегающий и защищающий его гостей. Его всегда привозили с собой на остров, как талисман, и все годы устанавливали на постаменте посередине палаточного городка.

А сколько труда Василием Константиновичем было вложено в этот смелый проект отдыха школьников, и что самое замечательное, его главными помощниками стали его супруга Ирина Валентиновна и дочь Наташа. Его единомышленники и соратники в большом и ответственном деле воспитания подопечных ребят.

Теперь каждый год, в середине лета, физически самые подготовленные ребята, человек 30, устраивались под тентом между тремя, связанными между собой лодками «Казанками», закреплённых основательно в грузовой машине. В предчувствии замечательного летнего отдыха ехали с песнями более 300 км через городок Осташково – настоящую селигерскую Венецию, до самого озера.

На острове было место как и грибам, и рыбной ловле, и песням известных бардов так и сочинённых школьными бардами, и душевным разговорам у ночного костра. Остров, наполненный птичьим гомоном, солнцем и синевой неба и озера завораживал. Настраивал

ребячью душу на поэтический лад, став для них, поющим Селигериусом под соборный колокольный перезвон монастыря Нилова Пустынь Селигера.

Участвуя в фестивалях бардовской песни, ребята привезли с собой полюбившуюся песню барда, Миши Русакова. Она единогласно стала для них символом Селигерского братства романтиков, верных своей мечте, став для ребят Гимном, который начинался так:

Радуга свисает с неба коромыслом,
Опустив один конец в зелёный океан!
Чуть пофантазируем,
Представь, что ветер свистнул,
Словно для мечты твоей он разорвал туман...

А вот последний куплет Гимна был придуман Женькой Ивановым, автором веселых сценариев лагерных концертов, чтобы память о Селигериусе, об изумительном по красоте озере также волновала и новых друзей:

Ты плыви кораблик сквозь дожди и бури,
Туда, где звон гитары и палатки у костра.
Туда, где ждёт девчонка из серебряной лазури,
Снова Селигера плещется волна!

Жизнь на озеро Селигер были замечательной школой взаимовыручки, смелости и настоящей дружбы. Эти дни осталась в душе не только у Вани Костина, остроумного и находчивого, ставшего большим учёным, доктором физико-математических наук. Галина Леско, которую не хотели брать с собой в поход из-за её маленького росточка, именно здесь она поверила в свои силы и возможности. Для девочки это было большое испытание, но Галина Степановна пронесла память о Селигере через всю свою непростую жизнь врача. Это была память об удивительно светлом состоянии души, о радости общения со всеми ребятами, о задушевных песнях у костра.

Это был заряд не только бодрости и здоровья. Самое замечательное было то, что ребята не только отдыхали на острове, но и проходили серьёзную трудовую школу, например, занимаясь прополкой в соседнем колхозе. На Селигере ребята стали верными помощниками местного Рыбнадзора и много лет патрулировали берега острова, предупреждая набеги браконьеров. В этой связи было много интересных историй. А самое главное, воспитанники Василия Константиновича под его руководством стали родоначальниками Всесоюзного движения 70-х годов «Живое серебро», помогая местному рыбозаводу разводить новое поколение рыбы. И право на доставку уже двумя грузовичками на остров Селигериус ребята зарабатывали на городской автобазе, ответственно выполняя все задания и поручения во время подработки на ней.

За почтой и продуктами отправлялись на лодке, через всё озеро, самые смелые и сильные. Это всегда было почетно и ответственно.

Забавных воспоминаний и любопытных историй было бесконечное множество, об этом стоило бы написать большую книгу откровений, посвященных удивительному братству воспитанников Василия Константиновича.

Одним из заводил, и часто разыгрывающий ребят, был Женька Иванов. Он был единственным ребёнком директора завода, который являлся шефом школы и помогал ей во всём, что касалось учебного процесса и отдыха ребят в летнее время. В конце 8-го класса сын все же уговорил родителей отпустить его со школьными товарищами в открывающийся на далеком сказочном острове Хачин школьный лагерь. Зная неуёмный характер сына они всё-таки пове-

рили, что ничего непредвиденного, рядом с Василием Константиновичем, не должно случиться. Мама решилась отпустить Женьку в его первое детское приключение при условии, что он захватит с собой матрасик. Но она не могла и представить себе, что все последующие школьные летние каникулы, проведенные на Селигере, её сын будет спать счастливым сном в палатке, подложив под неё только лапник.

Только перед смертью, Зинаида Петровна, рассказала своему Женьке о самом счастливом для неё дне. Она, после разговора с мужем, приехала в Детский дом, в котором было много детей, чьи родители погибли во время Великой Отечественной войны, чтобы обрести себе сына. И как Женька выбрал её сам, прижавшись к её коленям и шепча, сквозь слёзы: «Мамочка, я знал, я знал, что ты обязательно найдешь меня!» Потрясённый правдой истории о себе, Женька, у изголовья уходящей мамы, впервые осознал по – настоящему, что такое любовь родителей и откуда в нём такая душевная сила и доброта. Поэтическая душа Женьки жила их животворящей любовью.

Трудно было забыть про пожар, который устроил случайно Серёжа —студент университета, сосед по дому, которого Василий Константинович пригласил поработать в лагере в качестве помощника. К счастью никто не пострадал, а сонный «поджигатель» всё удивлялся, кто же это сжёг, пусть перештопанную, но подаренную школе солдатскую, и потому дорогую для ребят, палатку. А Василий Константинович, как настоящий опытный педагог, старался внушить ребятам, подчёркивая: «Вот к чему приводит курение вообще, а курение в палатке в особенности!» Вероятно, это и не отвратило ребят от курения, но от курения в палатке – точно!

А однажды пошёл народ по грибы, и хоть бы один попался на пути. А наш Женька уже знал заветную тропинку к середине болотца с заветной грибной полянкой. Вскоре он принёс ведро сыроежек и вручил его дежурному, который хлопотал у печурки, сваренной на заводе шефов и подаренной ребятам. Все так и ахнули и давай выпрашивать у счастливца, что к чему. Конечно, вся команда с большим удовольствием уплетала грибной суп и шедевр костровой кулинарии – жареные грибы с дымком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.